

Цяо Сянь сидела в чайном домике, наблюдая за янтарным чаем в чашке, слегка мерцающим, отражая вечернее сияние.

Постепенно сияние заката исчезло, и владелец чайной зажег свечи и подошел, чтобы спросить Цяо Сянь, не хочет ли она миску горячего бульона с лапшой.

Цяо Сянь отказалась.

Она не привыкла к горькому и соленому чаю. Когда она работала в бюро Цзоюэ, все знали, что любимым напитком Цяо Сянь был сливовый чай.

Но в приграничье, морозы еще не отступили, поэтому нет и намека на сливовый чай.

Как раз тогда, когда Цяо Сянь подняла чашу в пятый раз, сделала глоток чая, снова поставила ее, нахмурившись, и, наконец, дождалась появления Чжансунь Бодхи.

Он вышел из мастерской весенних ароматов, и направился к чайной без какой-либо спешки, казалось, что они давным-давно заключили соглашение с Цяо Сянь,

— Ты опоздал на полчаса, — сказала Цяо Сянь, когда Чжансунь сел.

Чжансунь Бодхи:

— Ты слишком рано.

Цяо Сянь:

— Что-то узнал?

Чжансунь заколебался на мгновение, прежде чем сказать:

— Благовония на ее теле были сделаны женщиной, которую зовут госпожа Мяо. Она знакома со всеми видами благовоний и способна смешать уникальные благовония. Это одна из причин, по которой Юньюнь может выделиться в мастерской весенних ароматов.

Если бы Цуй Буцюй или Фэн Сяо были здесь, то, услышав имя госпожи Мяо, сразу подумали бы о пропавшей наложнице посла Хотана, Цинь Мяоюй, но их здесь не было, а Чжансунь и Цяо Сянь не имели никакой возможности узнать внутреннюю историю дела.

Но даже в этом случае Чжансунь и Цяо Сянь догадывались о цели просьбы Цуй Буцюя, разыскать морозный аромат цветов сливы.

— Эта женщина, должно быть, и есть тот человек, которого ищет главнокомандующий, — сказала Цяо Сянь. — Ты был с ней в течение долгого времени, и ты разузнал лишь так мало информации?

Чжансунь Бодхи смотрел на нее и ничего не говорил, что означало: «что ты сама узнала?»

Цяо Сянь:

— Я следила за ее служанкой, служанка снаружи проявляла недовольство и ревность к маленькой госпоже, поэтому я решила использовать уловку, притворившись раненным мастером боевых искусств, который случайно забрел в мастерскую весенних ароматов и попросила ее о помощи. Она отпустила свою настороженность из-за моего жалкого вида, так что я смогла задать несколько вопросов.

У Цяо Сянь какая-то холодная красота. Когда она изображала мужчину, то холод превращался в равнодушие и сдержанность, она умела сводить с ума женщин, а если долго смотреть на нее, то обнаружится, что облик Цяо Сянь кажется немного неотличимым от мужского.

Впервые глаза Чжансунь Бодхи на какое-то время остановились на ее лице, показывая озадаченное выражение.

— Ты все же мужчина или женщина?

Цяо Сянь равнодушно сказала:

— Ты так долго практиковал буддизм, разве ты не знаешь, что форма — это пустота, а все проявления ложны?

Чжансунь Бодхи молча перебрал в руке буддийские четки и прошептал «Амитабха».

— Ты права, я еще не познал все Дхармы.

Цяо Сянь была удивлена:

— Между тобой и той юной госпожой ничего не было?

Чжансунь спокойно сказал:

— Я задал ей вопросы, нажал на жизненную точку, чтобы она потеряла сознание и ушел.

Проснувшись, она может вспомнить Чжансунь Бодхи, но не вспомнит, как потеряла сознание.

С этого момента они будут отделены друг от друга и никогда больше не увидятся.

Чжансунь Бодхи слегка покачал головой, но вскоре его вернуло в настоящее ощущение бусинок в руке.

— Что ты узнала? — он редко спрашивал что-то сам, но сейчас задал вопрос.

Цяо Сянь:

— Я спросила о местонахождении госпожи Мяо у служанки. Она сказала, что Юньюнь тайно купила поместье. Она планировала жить в нем после того, как сможет выкупить себя. Госпожа Мяо помогла Юньюнь прочно обосноваться в мастерской весенних ароматов. В благодарность она пригласила госпожу Мяо ненадолго погостить в этом поместье. Мне уже так хочется посмотреть, кто же эта госпожа Мяо.

Чжансунь Бодхи спросил:

— Уже стемнело, почему мы еще не пошли туда?

Цяо Сянь не ответила, но позвала владельца, и попросил подать две миски лапши с бульоном.

— Еще рано, пойдем, как поедем.

Чжансунь Бодхи кивнул.

На самом деле, он не силен в выяснении ответов. Если бы у него был выбор, он бы сражался с врагом мечом. Только что, хотя юная госпожа была очень сговорчива, когда он вышел из мастерской, губы Чжансунь Бодхи были плотно сжаты, показывая его нервозность.

Только сейчас он немного расслабился.

Цяо Сянь какое-то время смотрела на него, а затем вдруг сказала:

— В бюро Цзоюэ меньше людей, чем в бюро Цзецзянь.

Если главнокомандующий имел под своим началом мудрого и смелого человека, может быть, на этот раз ему не нужно было бы лично участвовать в расследовании.

— Вместо того, чтобы смотреть, как главнокомандующий лежит в постели полмесяца, я бы предпочел, чтобы он больше путешествовал и меньше болел, — Чжансунь редко произносил такие длинные фразы.

Цяо Сянь нахмурилась:

— Но ему, должно быть, трудно находиться под командованием Фэн Сяо.

Пока они разговаривали, подали лапшу, они оба замолчали, молча съели лапшу и выпили бульон.

Лапша была простой лапшой из муки, такой же, как в столице, а основа супа это естественно кипяченая вода, сверху посыпанная дикими овощами и зеленым луком, хотя мяса не было и в помине, это все же была еда, подходящая для утоления голода.

Вкус лапши, естественно, намного хуже, чем то, что раньше ели Чжансунь и Цяо Сянь, но когда ты голоден и на улице холодно, миски горячего бульона достаточно, чтобы согреть желудок и, чтобы распространиться по всему телу.

В этот момент Цяо Сянь и Чжансунь одновременно подумали об одном.

Было бы здорово, если бы главнокомандующий был здесь, интересно, может ли он сейчас съесть тарелку горячей лапши с бульоном?

.....

У Цуй Буцюя, естественно, не было горячего бульона с лапшой, мало того, что его не было, ему приходилось стоять вне дома, терпеть холодный ветер, подавляя желание кашлять.

Но он был в хорошем настроении.

Потому что Фэн Сяо на его глазах попал в почти безвыходное положение, вынужденный сражаться один против пятерых.

— Принеси нефрит, — услышал он, как Фэн Сяо сказал Пэй Цзинчжэ.

Пэй Цзинчжэ был ошеломлен на мгновение, не зная, что хочет сделать Фэн Сяо, но он развернулся, вошел внутрь и быстро принес нефрит.

Лунный свет сегодня хорош, и нефрит сиял в руках Пэй Цзинчжэ ярче, чем обычно, а в кристально чистом нефритовом сердце видны следы зеленого свечения.

Независимо от того, является ли этот камень нефритом Небесного озера или нет, нет никаких сомнений в том, что этот нефрит прекрасен.

Присутствующие смотрели на нефрит с блеском в глазах.

Фэн Сяо поднял голову и неторопливо сказал:

— Вы все здесь ради нефрита?

Среди пятерых незваных гостей, за исключением женщины в желтом, которая сказала, что только хотела взглянуть на нефрит, остальные четверо хранили молчание и не раскрывали ни своих имен, ни намерений.

В неловкой тишине никто не хотел говорить первым, как будто они противостояли друг другу в терпеливости.

Фэн Сяо не торопился, Цуй Буцуй тем более, Пэй Цзинчжэ был единственным, кто немного волновался.

Он знал, что его мастерства недостаточно, и не хотел смущать Фэн Сяо, поэтому молча глубоко вздохнул, пытаясь подавить свое беспокойство.

Первой нарушила молчание женщина в желтом:

— Я появилась первой, и я не хочу быть врагом бюро Цзецзянь. Я лишь слабая женщина, и меня морозит этот холодный ветер. Пожалуйста, господин Фэн, сжальтесь надо мной и покажите нефрит, чтобы я могла вернуться и описать его.

Она слабо улыбнулась, лицо ее было невыразительным из-за обычной внешности, но из-за мелодичного голоса все присутствующие не могли не взглянуть на нее.

Цуй Буцью незаметно огляделся и обнаружил, что присутствовали только два человека, которые не смотрели на женщину в желтом, один был мужчиной в белом, который был в маске, а другой был тюрком.

Внимание тюрка было приковано к Фэн Сяо от начала и до конца.

Только искусные мастера не будут отвлекаться на что-либо от своей цели.

Что касается человека в черном, полускрытого в тени...

Другая сторона стояла боком, придерживая правое запястье левой рукой, поглаживая его.

Глаза Цуй Буцюя слегка сузились.

Фэн Сяо не смотрел на других людей, его глаза всегда были прикованы к женщине в желтом, как будто она была единственным посетителем во дворе.

Увидев, что она улыбается, он тоже улыбнулся:

— Ты такая вежливая, я должен сначала отдать тебе нефрит, но я даже не знаю твоего имени. Если ты возьмешь его и убежишь? Где мне потом тебя искать?

Женщина в желтом сложила руки, поклонилась и сказала:

— Мое имя Бин Сянь.

Фэн Сяо поднял брови:

— Фамилия Бин? Эта редкая фамилия.

Бин Сянь:

— Имя и фамилия — не более чем способ обращаться к человеку. Например, даже если у вас не было бы имени, господин Фэн, вы оставались бы таким же великолепным и непревзойденным. Не так ли?

Фэн Сяо рассмеялся:

— По сравнению с этими грубыми людьми, ты больше всего радуешь мое сердце! Ты такая внимательная и понимающая, почему бы тебе не присоединиться к бюро Цзецзянь, я позабочусь о тебе и никогда не позволю тебе сидеть посреди ночи на холодном ветру на крыше!

Бин Сянь улыбнулась и собиралась что-то сказать, когда Фэн Сяо внезапно взял нефрит из руки Пэй Цзинчжэ и бросил ей.

— Поскольку ты самая приятная для глаз, я сначала одолжу нефрит тебе!

Бин Сянь была ошеломлена, никогда не думала, что Фэн Сяо бросит его, как только он это скажет, даже не думая об этом в тот момент, она легко оттолкнулась от крыши изящными пальцами ног, и ее тело полетело к нефриту, легко летя по воздуху!

Она была быстра, однако был кто-то быстрее нее.

Мужчина в белой вуали и мужчина в сером одновременно протянули руки к нефриту.

Но тюрк даже не взглянул на нефрит, длинный меч в его руке вдруг выскочил из ножен, и его аура нахлынула, как оползень и цунами, и он в одно мгновение устремился на Фэн Сяо.

Энергия меча была настолько сильна, что даже Цуй Буцюй, стоявший позади него, почувствовал налетевший ветер, он невольно отступил назад. Он был готов сильно удариться о стену, когда его одежду резко стянули, он обнаружил, что Фэн Сяо держит его в объятьях.

Но тюрк уже добрался до них, и меч пронесся над его макушкой, Цуй Буцюй почувствовал, что его волосы рассыпались, как только его пучок был распущен.

Такой мастер, как Фэн Сяо, должно быть, знал, что упреждающий удар меча, по крайней мере, выбьет нефритовую шпильку, скрепляющую волосы. Чтобы сохранить прическу в порядке, он временно потянул Цуй Буцюя, чтобы использовать в качестве заслона.

Цуй Буцюю не нужно было смотреть в зеркало, он и так знал, что похож на сумасшедшего с растрепанными волосами, и тут же выругался:

— Фэн Сяо, ты ублюдок, ублюдок!

В следующий момент он узнал, что тюрк косвенно помог ему отомстить, потому что Фэн Сяо уже яростно сражался с другой стороной, и ему некогда было препираться с Цуй Буцюем.

Мужчина в сером прикоснулся к нефриту, и прежде чем он успел обрадоваться тому, что он был на шаг быстрее других, он обнаружил, что нефрит вдруг рассыпался в его руках, превратившись в мелкую пыль, которая рассеялась по ветру.

Другие, кто боролся за нефрит, были совершенно ошеломлены.

<http://bllate.org/book/13926/1226999>